

Программа обучения в предыдущей школе Лян Сяо шла медленнее, чем в средней школе Шэнхуа, и многие знания у него были упущены. Он даже на физическом уровне все еще ощущает отторжение, когда вступает в контакт с незнакомцами. И мысли его родителей о том, чтоб нанять для него частного репетитора исчезли. Так уж получилось, что Лян Вэй, первоначальная хозяйка тела, является одной из лучших в школьной успеваемости. Чтобы помочь ему улучшить свои знания, с подачи Янь Цивэй эти двое договорились проводить индивидуальные занятия в классе после выполнения домашнего задания.

Уроки по гуманитарным дисциплинам сосредоточены на копировании конспектов, в то время как изучать естественные науки для Лян Сяо сложнее. К счастью, у Янь Цивэй прекрасные оценки по ним, а Лян Сяо чрезвычайно умен. Большую часть всего он сам может немного понять и освоить, и эффект от этого репетиторства оказывается неожиданно хорошим.

Янь Цивэй особенно любит наблюдать, как он с опущенной головой решает задания.

При общении с людьми Лян Сяо всегда неизбежно проявляет толику застенчивости и заниженной самооценки, как цыпленок, уткнувшийся головой в крылья. Только когда он сосредотачивается на учебе, стыд и застенчивость между бровями юноши незаметно исчезают, и сменяются серьезностью и подобным озеру спокойствием.

За окном шел дождь, и в кабинете царил влажная прохлада*. Лампа накаливания ярко светилась и его тонкие ресницы, маленькими веерами отбрасывали тени на его лицо. Из окна ворвался порыв ветра, зашуршав страницами книги.

Примечание: Воздух при характерных для Китая климатах — экваториальном, тропическом, субтропическом и умеренном — всегда влажный.

Она лениво, не издавая ни звука, лежала на парте, тихонько подняв глаза, чтобы глядеть на него.

— Хорошо, — после того, как Лян Сяо закончил отвечать на последний, заключительный вопрос, он вручил ей тетрадь, а Янь Цивэй проверила ее и удовлетворенно кивнула.

Казалось, он выдохнул с облегчением и застенчиво ей улыбнулся. Только после этого у него появились силы взглянуть на дождливое и затуманенное окно и тихо, словно самому себе, вопросительно пробормотать:

— Дождь идет?

Стоило ему произнести эти слова, как в тот же момент внезапно сверкнула вспышка молнии, и последовали оглушительные раскаты грома. В ярком отсвете от молнии внимательная Янь

Цивэй заметила, что его лицо мгновенно побледнело.

— Вэйвэй, — Лян Сяо впервые посмотрел ей прямо в глаза, и когда их взгляды встретились, она увидела кроваво-красный цвет в глубине его глаз, а его голос был низким и хриплым, слегка дрожащим, — не могла бы ты помочь и отнести тетрадь по физике в мою комнату?

Что-то было не так.

Янь Цивэй ответила не сразу, а через некоторое время, и осторожно спросила:

— Что с тобой?

Лян Сяо практически улыбнулся:

— Я в порядке, ты можешь мне помочь?

Он явно пытался отвлечь ее, у Лян Сяо было что-то, что он не хотел, чтобы она увидела?

Янь Цивэй уже собиралась спросить, но небо снова прочертила молния.

Молодой человек перед ней затрясся всем телом, и, наконец, не выдержав приступа боли, нахмурил брови и согнулся. Почти забытая боль разлилась повсюду одновременно, раздирающая, пульсирующая, удушающая, поглощающая... Каждый сустав словно был сильно раздроблен, а потом, один за другим, грубо сращен.

Хотя он изо всех сил прикусил губу, из его рта все еще вырывалось несколько прерывистых стонов, а костяшки его пальцев до побеления крепко вцепившиеся в край стола, едва поддерживали его хрупкое тело.

Лян Сяо не осмеливался взглянуть на выражение ее лица, поэтому он мог только собрать все свои силы и тихо прошептать:

— Вэйвэй, выйди, не смотри.

Глаза Янь Цивэй внезапно покраснели.

Одно определение пришло на ум очень четко – посттравматическое стрессовое расстройство.

С момента встречи с Лян Сяо она ни разу не видела, чтобы он страдал от болезни. Она думала, что его болезнь почти излечена, но не ожидала, что это только потому, что каждый раз, когда она вспыхивала, Лян Сяо старательно избегал ее, в одиночестве стиснув зубы и терпя боль.

Мозг при ПТСР может время от времени воспроизводить боль Лян Сяо от его травм. Она вспомнила слова приемной матери Лян Сяо, сказанные холодным голосом, и ужасные шрамы на его руках. Ее сердце, казалось, сильно сжалось, ей было трудно дышать.

Если бы это был любовный роман из серии романтических исцелений, она бы обязательно без колебаний обняла Лян Сяо и исцелила бы все его страдания так называемой «нежностью и любовью», но Янь Цивэй не могла этого сделать — он отвергал прикосновения других людей. А теперь он страдает от болезни и если она коснется его необдуманно, то, вероятно, усугубит недуг.

Она почувствовала небывалое бессилие и отчаяние, слезы текли из ее глаз как оборванные нити, и она надолго растерялась. В конце концов, она могла только плакать. Она наклонилась и очень тихо, нежно, неуклюжим и плаксивым голосом сказала ему:

— Лян Сяо, я рядом. Не бойся, я защищу тебя.

Снаружи, развернувшись во всю мощь, будто собираясь охватить весь мир, продолжала реветь гроза, но Янь Цивэй чувствовала, что вокруг было очень тихо, а еще в ее ушах был отчетливо слышен звук ее собственного сердцебиения.

Ее ладонь опустилась в сантиметре от руки Лян Сяо, как будто она боялась его побеспокоить, Янь Цивэй затаила дыхание.

Она не знала, сколько времени потребовалось, прежде чем беспорядочное и тяжелое дыхание Лян Сяо стабилизировалось. Он все еще дрожал, как израненный и беспомощный маленький зверек.

Затем он медленно поднял голову, растрепанные волосы на его лбу были мокрыми от пота, а налитые кровью глаза, казалось, превратились в маленькие звезды, наполненные мягким светом, которого Янь Цивэй никогда раньше не видела, таким теплым, что многие люди увидев его, могли бы в нем утонуть.

На какое-то время она застыла, ошеломленная этим, и Лян Сяо с силой приподнял уголки рта, выдавив бледную и слабую улыбку.

В следующую секунду, ее застigli врасплох грубые, коснувшиеся ее заплаканных щек кончики пальцев юноши. Его движения были нежными, как перышки, и волна тепла распространялась от макушки головы по всему ее телу. Янь Цивэй не знала, исходил ли этот жар от Лян Сяо или это все оттого, что она, в неведении, покраснела.

Он сам активно прикасается к ней.

Он был слегка смущен, его голос был хриплым:

— Прости, я напугал тебя?

Очевидно, что из них двоих тем, кто испытывал гораздо больший дискомфорт был сам Лян Сяо, но вместо того, чтобы заботиться о себе, он в первую очередь хотел утешить ее.

Ну почему он такой глупый?

Янь Цивэй была и огорчена, и польщена, и ей вдруг захотелось нежно обнять его, но, в конце концов, она все еще беспокоилась о болезни Лян Сяо. Она подняла и опустила руки, слезы снова неудержимо полились из ее глаз.

Лян Сяо ничего не говорил. Из окна на них налетел порыв ветра.

Теплым и мягким прикосновением своих ладоней он прикоснулся к ее спине, и вместе с этим порывом ветра Янь Цивэй упала в его объятия.

Когда от этого из ее головы вылетели все мысли, она услышала как бьется сердце подростка и успокаивающий голос Лян Сяо на выдохе:

— Не плачь.

<http://tl.rulate.ru/book/55590/2508809>